

(Киев)

ВНУТРЕННИЙ ЛЕКСИКОН ЧЕЛОВЕКА

С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

У статті розглянуто внутрішній лексикон людини з позицій теорії мовної особистості. Для вивчення національно-культурної специфіки внутрішнього лексикону представників російської етнолінгвокультури в гетерогенному мовному оточенні було підготовлено експериментальну основу. Слова-стимули організовано за трьома групами мовних маркерів національно-культурної свідомості, які виділяє І.В. Привалова.

Ключові слова: внутрішній лексикон людини, асоціативно-вербальна мережа, вільний асоціативний експеримент, мовні маркери національно-культурної свідомості.

This article considers the inside lexicon of a person according to the theory of linguistic identity. To study national and cultural specifics of the inside lexicon of representatives of Russian ethnic and lingual culture in a heterogeneous environment an experimental basis was prepared. The stimulus words are divided into three groups of language markers of national and cultural consciousness that were pointed out by I.V. Privalova.

Key words: inside lexicon of a person, associative-verbal network, free association experiment, language markers of national and cultural consciousness.

В конце XX в., по словам Ю.Н. Караулова, языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности. "В значительном числе публикуемых работ, посвященных традиционным как будто вопросам изучения тех или иных фрагментов языкового строя, эти традиционные вопросы рассматриваются с новых позиций: они включаются в течение речемыслительных процессов, окрашиваются прагматическими тонами, приобретают динамическую составляющую под знаком трактовки языка как деятельности, получают функциональное освещение, которое в конечном итоге делается в интересах познания языковой личности" [6, с. 24-25].

Термин "языковая личность", как известно, принадлежит В.В. Виноградову, который еще в первой половине прошлого столетия акцентировал внимание на взаимосвязи изучения языка и личности [2].

Достаточно полное определение понятия языковой личности представлено в работе Г.И. Богина "Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текста", где под языковой личностью понимается "человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи, так как человек, как носитель речи, обладает способностью к использованию языковой системы в целом" [1, с. 1].

Создателем современной теории языковой личности является Ю.Н. Караулов. На разработанной ученым теории основывается определение внутреннего лексикона человека.

Согласно Ю.Н. Караулову, языковая личность – это "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью" [6, с. 3].

Структурная модель языковой личности складывается из трех уровней:

- 1) вербально-семантического, или лексикона личности, включающего также все грамматические знания личности;
- 2) лингво-когнитивного, или тезауруса личности, в котором отражается более или менее систематизированная "структура мира";
- 3) мотивационного уровня, или уровня деятельно-коммуникативных потребностей, который отражает прагматикон личности, то есть систему ее целей, мотивов, интересов и установок [6, с. 238].

Каждому уровню свойственны специфические типовые элементы, такие как единицы уровня, отношения между этими уровнями, наличие стереотипных своеобразных объединений, присущих каждому уровню.

На вербально-семантическом уровне в качестве единиц выступают отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой "ассоциативно-вербальной сетью", а стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа ехать на троллейбусе, пойти в кино, купить хлеба, которые выступают как своеобразные "паттерны" и клише.

На лингво-когнитивном уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же слова вербально-семантического уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом. Отношения между этими единицами тоже принципиально меняются и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, в какой-то степени отражающую структуру мира, и известным аналогом этой системы может служить обыкновенный тезаурус. В качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает, "присваивает" именно те, которые соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым незыблемые для нее истины.

Единицами мотивационного уровня являются коммуникативно-деятельностные потребности личности (необходимость высказаться, стремление воздействовать на реципиента письменным текстом, потребность в дополнительной аргументации, желание получить информацию и т.п.), отношения между которыми задаются условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и исполняемых общающимися коммуникативных ролей. В качестве стереотипов на данном уровне выступают символы, образы, знаки повторяющегося, стандартного для данной культуры, прецедентного, то есть существующего в межпоколенной передаче текста – сказки, мифа или былины, легенды, притчи, анекдота и классических текстов письменной традиции памятников, произведений классической художественной литературы и других видов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи). Причем языковой способ выражения символа

прецедентного текста совпадает со способами выражения стереотипов других уровней: это может быть цитата, ставшая крылатым выражением, имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом и т.п.

Таким образом, внутренний лексикон человека, или "ассоциативно-вербальная сеть – это совокупность лексем и связей между ними, которыми располагает "естественный говорящий", носитель языка" [3, с. 5].

Ассоциативно-вербальной сети, по мнению Ю.Н. Караулова, свойственны следующие характеристики:

– сеть имеет онтологический статус, то есть представляет собой не искусственное построение ума исследователя, не артефакт типа "семантических сетей", "синтаксических сетей" или сетевых моделей памяти, а реально бытующее и имеющее, по-видимому, нейронную основу образования, индивидуальные воплощения которого обладают инвариантной структурной частью, а различаются лишь в деталях, в некоторых периферийных элементах (S, R) и образуемых ими единицах (S + R);

– сеть характеризуется многообразием отношений между элементами S и R (семантических, синтаксических, деривационных, этимологических, тематических, статистических, в способах номинации, стилистических, оценочных, изобразительных, ситуативных, культурно-исторических, эстетических и др.). Совокупность типов этих отношений отражает все лексикологические аспекты изучения слова;

– сеть характеризуется широкой системной вариативностью своих элементов: словоизменительной (в пределах парадигмы соответствующего слова), словообразовательной (в пределах гнезда), семантической (от полисемии до омонимии и паронимии);

– многообразие отношений и вариативность обеспечивают диссипацию грамматики в сети, то есть ее распределенность и ее полное отражение в образцах: рассеянность, но и полнота парадигм, словообразовательных способов и типов, синтаксических моделей, их "закрепленность" в сети за конкретными лексемами и "аналогические" связи между группами лексем. Степень грамматикализованности ассоциативно-вербальной сети, то есть соотношение в ней грамматически оформленных элементов с лемматизированными формами слов, в точности соответствует степени грамматикализованности среднестатистического устного текста на русском языке;

– сеть характеризуется высокой степенью семантической связности своих элементов (существует не "6 шагов", а два "шага" между произвольно выбранными элементами) и "обратимостью" семантических и грамматических связей. Однако эта обратимость за редкими исключениями никогда не бывает полной, то есть обнаруживает различия в статистических показателях;

– сеть обладает способностью к самоорганизации и адаптации, которая проявляется в создании или освоении ею новых элементов на базе уже имеющихся в сети аналогических структурных и семантических моделей. Это свойство сети обеспечивает понимание ее носителем нового, не встречавшегося ему ранее слова – деривата или словосочетания – по типовой морфологической структуре, по повторяющемуся неоднократно переносу значения или другому семантическому процессу, по контексту или аналогической синтаксической модели [4, с. 15-16].

Согласно Ю.Н. Караулову, ассоциативно-вербальная сеть фиксирует лишь знания, имеющие вербальную форму выражения и составляющие большую часть наших знаний о мире. Эти знания весьма разнородны, зачастую противоречивы и условно могут быть разделены на три части:

– первая часть представляет собой экстралингвистическую информацию, запечатленную в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей их действительности. Среди этого разнородного множества есть переменные факторы, сиюминутные, навеянные актуальным состоянием дел в политике, общественной жизни, искусстве, быте, моде, и есть феномены относительно долговременные, постоянные, связанные со страноведческими особенностями национальной жизни, чертами характера, историей народа и мира;

– вторая часть знаний, образно названная Ю.Н. Карауловым диалоговой, отражает языковое сознание носителей, так как содержит элементы рефлексии и оценки по поводу языка, национальной культуры и типовым ситуациям окружающей действительности;

– третья, самая обширная часть знаний, остается для большинства носителей неосознанной. Она касается устройства самого языка, его поуровневой структуры – фонетики, морфологии, синтаксиса, то есть грамматики в широком смысле слова, и лексики с ее многослойной стратификацией, с ее распределенностью по разным стилям речи. Эти интуитивные знания могут быть "расшифрованы" лишь специальными лингвистическими методами и с помощью определенного разработанного инструментария [5, с. 755].

В структуре ассоциативно-вербальной сети в зависимости от содержания информации Ю.Н. Караулов выделяет три уровня в: грамматико-семантический (то есть "языковой" в узком смысле слова), когнитивный (или уровень знаний о мире, не связанных непосредственно с языковыми знаниями) и прагматический (связанный с фиксацией отношения человека к миру) [5, с. 753].

По мнению Ю.Н. Караулова, все связи между элементами ассоциативно-вербальной сети, то есть между находящимися в ее узлах словами в лемматизированной форме, словоформами или словосочетаниями, подчинены закону предсказуемости этих связей: предикация правит отношениями в ассоциативно-вербальной сети. Под предикацией ученый понимает:

"а) ее элементарно-логический смысл – как приписывание признака предмету;

б) ее расширенное толкование, включающее процессы оформления предикативности и построение предикативных структур, то есть предложений; такое толкование позволяет включить в содержание понятия не только предикацию в указанном выше узком смысле, но также и прочие равновеликие ей функции, которые могут получать наряду с ней выражение в высказывании, а именно: номинацию, локацию и оценку. В этом отношении предикацию можно приравнять к понятию сказуемости, как его понимал А.М. Пешковский: сказуемостью обладает то, что может быть сказано: это "сказываемое", то есть элементарные речевые единицы, минимальные составляющие "сказа", которые могут представлять собой как словосочетание, так и словоформу, а в предельном случае могут использоваться и самостоятельно, вне "сказа", например, в качестве заголовков (о земле; в лесу; в лесу и в поле; ранней весной; встреча друзей, наказать виновных и т.п.):

в) в понятие предикации вкладывается также психологический смысл, подразумевающий активную позицию говорящего, который в ответ на стимул начинает предсказывать, осуществлять

предикацию в указанном выше смысле (б), то есть в широком смысле. В таком понимании предикация есть процесс и результат проявления иллокутивных сил носителя языка: в анкете запечатлено действие иллокутивных сил конкретной индивидуальности, тогда как в ассоциативно-вербальной сети в целом мы имеем дело с результатом действия иллокутивных сил абстрактной языковой личности носителя" [7, с. 70-71].

Представляется интересным рассмотрение внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания в гетерогенном языковом окружении. В связи с этим был подготовлен свободный ассоциативный эксперимент. Данная методика, основанная на анализе словесных ассоциаций испытуемых, является одной из наиболее эффективных методик исследования внутреннего лексикона человека и его национально-культурной специфики, так как она позволяет проанализировать особенности семантических связей, семантический объем слов и является инструментом овнешнения образов сознания носителей русского языка.

За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы языковых маркеров национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), выделенных И.В. Приваловой [8]. Именно в работах данного лингвиста впервые обращается внимание на недостаточную разработанность проблемы языковой объективации национально-культурной специфики языкового сознания (внутреннего лексикона человека).

Исходя из того, что языковое сознание, как культурнообусловленный феномен, интегрирует знания о культурных предметах, правилах и нормах коммуникативного поведения, И.В. Привалова применяет уже термины "этноязыковое сознание" или "этнолингвокультурное сознание" [8, с. 4]. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Так как язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания, в структуре этноязыкового сознания выделяются особым образом структурированные пространства: когнитивное, культурное, лингвистическое, состоящие из функциональных/операциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации. Вербальными представителями национально-культурной специфики языкового сознания являются этнокультурные маркеры языкового сознания, принадлежащие сфере лингвистического пространства и выступающие объективаторами квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте межкультурного общения этноязыковых личностей [8, с. 4]. ЯМНКС делятся на три группы: лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов.

В рамках каждой группы испытуемым предлагаются следующие языковые единицы. В группе ЯМНКС лингвоструктурного типа представлены глаголы морозить, знобить, светать, вечереть; личное местоимение вы; существительные бабушка, дедушка; глаголы плыть, сидеть.

Представленные в исследовании ЯМНКС лингвокультурного типа распределены на несколько подгрупп:

1) средства речевого контакта и языковые формулы. Сюда относятся формы приветствия: Здравствуйте!, Привет!; прощания: До скорого!, Увидимся!, Пока!; пожелания: На здоровье!, С легким паром!, Спокойной ночи!, Всего хорошего!, Будьте здоровы!; одобрения: Так держать!, Молодец!; приглашения: Добро пожаловать!; а также традиционное выражение Горько!;

2) составляющие перцептивной модели этнолингвокультуры. Среди них выделяются колоремы: вороной, гнедой, русый, рыжий, карий, красный; проксеми: переулочек, проулок, область, деревня; темпоремы: сутки, миг, мгновение, возраст; нумерологемы: три, семь;

3) реалии, культурные символы и этнографические нонемы. В данной подгруппе представлены наименования блюд русской кухни: окрошка, оливье, каравай, холодец, солянка, пельмени, буханка, баранка, пирог, пирожки, блины, щи, борщ, вобла, кулич, пасха; напитков: квас, кисель, самогон, водка; одежды: ушанка, распашонка, платок, валенки; праздников и связанных с ними традиций: святки, крещенский, масленица, тамада, дружка, частушка, хоровод; культурных символов: балалайка, матрешка, береза, дуб; видов жилья: гостинка, коммуналка, усадьба, дача; предметов быта: авоська; видов транспорта: маршрутка; сохранившиеся в России названия лиц по степени родства и кумовства: теща, свекровь, сваха, кума; заведений общественного питания, популярных в СССР: столовая, чебуречная; денежных единиц: рубль, копейка; мифологических образов: Баба-Яга, Дед Мороз, Снегурочка, Водяной, Леший, Домовой; явлений общественной жизни: субботник, суворовец, бомж, тусовка, аврал; политические реалии периода существования СССР и постсоветского времени: советский, декрет, перестройка, путч;

4) аксиологический концепт авось;

5) единицы фразеологического фонда, включающие имена собственные: при царе Горохе, Кузькина мать, во всю ивановскую; устаревшие слова: на сносях, семи пядей во лбу, точить лясы; специальную лексику: бить баклуши, лыка не вяжет, не лыком шит; разговорные элементы: узнать всю подноготную, с бухты-барахты; общеупотребительную лексику: глухая тетеря, как с гуся вода, зубы заговаривать;

6) вербальные и вербализуемые прецедентные феномены, куда входят имена литературных и фольклорных персонажей, которые в русской культурной традиции стали употребляться и как нарицательные, говорящие о присутствии в человеке определенных качеств характера: Золушка, Отелло, Донжуан, Буратино, Иван Сусанин, Обломов, Плюшкин; имена реально существовавших людей, за которыми в сознании носителей русской культуры закрепились определенные характеристики: Мать Тереза, Иуда; исторические личности: Павлик Морозов, Сталин; названия произведений русской литературы: "Мертвые души", "Кто виноват?", "Что делать?"; концепты национально-культурного пространства различных временных отрезков: Окно в Европу, 37-й год, МММ; топоним Поле чудес.

Группа стимулов-ЯНМКС лингвоэкологического типа содержит языковые единицы, появившиеся в русском языке в результате заимствований из иностранных языков: флешмоб, онлайн, провайдер, граффити, ланч, супермаркет, консалтинг, органайзер, опция; паркинг, респект, бойфренд.

Рассмотрение внутреннего лексикона человека с позиций теории языковой личности позволило сделать следующие выводы.

Внутренний лексикон человека, или ассоциативно-вербальная сеть – это совокупность лексем и связей между ними, которыми располагает "естественный говорящий", носитель языка.

Для изучения внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания в гетерогенном языковом окружении был подготовлен свободный ассоциативный эксперимент. С помощью данной методики можно судить об особенностях функционирования внутреннего лексикона человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования.

Каждый испытуемый получит бланк анкеты, содержащий инструкцию по выполнению и 150 слов-стимулов, на которые должен ответить первым приходящим в голову словом-ассоциатом либо назвать ряд таких слов. Кроме того испытуемый должен будет сообщить о себе следующие сведения: возраст, пол, место проживания, род занятий, время проживания за пределами России, место проживания до переезда.

За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы ЯМНКС, выделенные И.В. Приваловой: ЯМНКС лингвоструктурного типа, ЯМНКС лингвокультурного типа и ЯМНКС лингвоэкологического типа. Языковые единицы каждой из трех групп отражают типичные для русской культуры понятия.

При применении методики свободного ассоциативного эксперимента возможно получение следующих данных:

– как в языковой картине мира отражаются различные языковые феномены; меняется содержание и выражение понятийных, языковых и грамматических категорий; утрачиваются значения лексических единиц;

– какие изменения произошли в знаниях и представлениях, стоящих за средствами речевого контакта и языковыми формулами; проксемами, кинемами, темпоремами, нумерологемами, колоремами; реалиями, культурными символами и этнографическими нонемами; вербализаторами аксиологических концептов; единицами фразеологического фонда; вербальными и вербализуемыми прецедентными феноменами;

– как воспринимаются неологизмы, концептуальные, параконцептуальные и бесконцептуальные виды заимствования.

На следующем этапе исследования предполагается изучение внутреннего лексикона человека с позиций психологии, психофизиологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текста: автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.15 "Общее языкознание" / Г.И. Богин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – 31 с.
2. Виноградов В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. – М.-Л. : Наука, 1930. – 186 с.
3. Караулов Ю.Н. Индивидуальный ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 5-15.
4. Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности / Ю.Н. Караулов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 1994. – № 1. – С. 15-26. – (Серия Филология. Журналистика).
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М. : ООО "Изд-во Астрель", 2002. – С. 750-782.

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
7. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания : сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2003. – С. 67-97.
8. Привалова И.В. Языковое сознание этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 "Теория языка" / И.В. Привалова. – Москва, 2006. – 50 с.